

Биография Магнитки

«В этом здании жил и работал...»

Проект «Магнитогорского металла», посвящённый людям и событиям, в память о которых установлены мемориальные доски

техникума как один решили идти на фронт. Николай вместе с другом Костей, тем самым, вслед за которым поступил в училище, попал в школу младших командиров и уже через два месяца отправился на фронт. Под Воронежем получил боевое крещение, участвовал в кровопролитных боях при обороне Харькова, на Курской дуге, освобождал Харьков, форсировал Днепр, отвоевывал Кишинев. В боях на Сандомирском плацдарме в Польше при прорыве обороны противника его орудийный расчёт уничтожил две вражеские самоходки, пять пулемётных точек и одно орудие, наблюдательный пункт немцев и около трёхсот вражеских солдат. За этот подвиг командир артиллерийского орудия двадцатилетний Николай Сергиенко был удостоен звания Героя Советского Союза.

Войну он закончил в мае 1945 года в Берлине, а затем в составе сводного полка 1-го Белорусского фронта участвовал в историческом Параде Победы на Красной площади, который принимал маршал Г. К. Жуков.

В Магнитку Сергиенко вернулся в декабре 1945 года. Практически сразу устроился работать на ММК вальцовщиком, без отрыва от производства окончил индустриальный техникум, затем продолжил учёбу на вечернем отделении МГМИ.

Послужной список Николая Сергиенко впечатляет: начальник конструкторского бюро ММК, главный инженер управления «Востокметаллургмонтаж», затем более 20 лет – начальник СМУ «Уралдомнаремонт».

«Золотой человек! – вспоминал о Сергиенко его коллега В. Г. Пронин. – Главное его достоинство – любовь к людям. И это не пустые слова. Николай Дмитриевич решал квартирные вопросы сотрудников, обеспечивал быт и отдых трудящихся. И вопросы эти считал приоритетными.

Со временем к военным наградам – звезде Героя и двум медалям «За отвагу» – прибавились и трудовые – ордена Ленина, Октябрьской революции и Трудового Красного Знамени. Но люди, знавшие его близко, отмечали, что Сергиенко никогда не кичился былыми заслугами, его отличала удивительная скромность, душевность и полная самоотдача в работе. Для товарищей по работе он был образцом трудолюбия и порядочности, а для родных и друзей – человеком, на которого можно положиться в трудную минуту.

Елена Брызгалина

Магнитка в литературе

Американец в городе стали

Магнитогорские мемуары сделали Джона Скотта популярным на весь мир.

В начале 30-х годов руководство США было обеспокоено утечкой «в Советы» большого количества «мозгов» и рабочих рук. В течение одного только 1930 года около миллиона американцев обратились в соответствующие органы за разрешением уехать в СССР. Чем же привлекал иностранцев Советский Союз? Почему учёные, писатели, политики, рабочие так рвались в страну, в которой подчас не было элементарных условий для нормального труда? СССР тогда называли «огромной лабораторией», «страной, у которой есть план». Запад переживал депрессию, безработицу, а в той же Магнитке рабочие руки ценились на вес золота.

В отличие от политических эмигрантов представители так назы-

ваемой экономической эмиграции не имели в СССР ни особого статуса, ни каких-либо привилегий. Причём большинство «симпатизирующих» приезжало с явно завышенными ожиданиями: в отношении оплаты труда, бытовых и производственных условий. Они не имели чёткого представления о том, что происходило в новой большевистской России, но не сомневались в главном: в Советском Союзе у руля стоит рабочий класс, там ценят труд и именно там рождается «человек свободного мира». Стаким настроением американский студент Джон Скотт и приехал в Магнитогорск. Шёл 1932 год.

Иностранцы, приехавшие в СССР не по вербовке советских трестов и наркоматов, а по личной иници-

иативе, оказывались в тяжёлом положении, отмечал Скотт. Им приходилось жить и работать в таких же бытовых условиях, в которых жили и работали советские рабочие. В середине 30-х годов Яков Гугель – начальник Магнитостроя, которому не было ещё и 30-ти, писал, что неприлично и несоциалистично уделять в такое сложное время слишком много внимания личным удобствам.

В отличие от жителей больших городов магнитогорцы в начале и середине 30-х годов не были испорчены «квартирным вопросом». Койко-место в бараке считалось нормой жизни. Даже для «невалютных» иностранцев. По воспоминаниям Джона Скотта, до 1934 года проживание в бараке было бесплатным, а уже с 1935-го каждый жилец платил за место около десяти рублей в месяц. В те времена, писал Скотт в своём дневнике, деньги были у всех, только вот купить на них было нечего. Людям требовались добротные рукавицы и тёплая обувь, а на прилавках магазинов пылились шелковые платки и флакончики с духами.

«Валютные» иностранцы, то есть прибывшие в Магнитку по вербовке и получавшие зарплату в золоте или долларах, жили на Берёзках. Это был замкнутый мирок со своими отношениями, традициями и магазинами. По словам Джона Скотта, который иногда бывал здесь в гостях у своих друзей-иностранцев, жизнь на Берёзках максимально была приближена к западноевропейским стандартам.

В воспоминаниях Скотта немало интересных «бытовых» фактов из жизни Магнитки 30-х годов. Сегодня трудно себе представить, но тогда жители Соцгорода получали квартиры, сразу обставленные немудрёной мебелью, за пользование которой платили в год пять процентов от её оценочной стоимости. Когда Джон решил жениться на русской учительнице Маше Дикарёвой, им обоим пришлось с большим трудом отпрашиваться с работы для того, чтобы попасть на собственную регистрацию, а потом ещё и выстоять приличную очередь в барак-загс. Регистрация, впрочем, как и развод, в то время стоили три рубля.

В середине 30-х отношение к западным рабочим и специалистам изменилось. Люди стали бояться не только иностранцев, но и всего иностранного. Шпиономания развивалась с неимоверной быстротой. Джону Скотту дали понять, что в Магнитогорске работы для него больше нет. Он вернулся в Америку и лишь через четыре года смог вывести из СССР свою семью.

Осенью 1941 года, когда фашисты находились на подступах к Москве, Джон Скотт начал писать книгу о «русском городе стали». Он ни минуты не сомневался в победе русских и хотел, чтобы эту уверенность разделила с ним вся Америка. В подтверждение решил рассказать американцам историю рождения небольшого уральского города, который называли фантастическим советским экспериментом.

Джон Скотт стал известным журналистом и писателем. Выпустил десятки книг. Но известность пришла к нему в 1942 году, сразу после выхода «магнитогорских» мемуаров.

Елена Брызгалина

